

Весенний дождь тонкими иголочками падал с небес, густой и нескончаемый, обмывая листья деревьев до ослепительного изумрудного оттенка. Утренний свет, проходя сквозь оконную бумагу, оставался за пределами комнаты, и даже после пробуждения в воздухе сохранялась лёгкая сонная неясность.

Цинь Ся не стал исключением.

Он некоторое время смотрел на балки потолка, прикидывая время, и, решив не противиться желанию, вновь обнял своего супруга, намереваясь поспать ещё пару четвертей часа. Повернувшись на бок, он увидел, что его супруг всё ещё пребывает в глубоком сне. Однако из-за щёлки между одеялами внутрь пробралась прохлада, заставившая того инстинктивно потянуться к источнику тепла. Несколько чёрных прядей волос мягко обвилились вокруг запястья и пальцев Цинь Ся.

С его точки зрения Юй Цзюцюэ спал совершенно спокойно и безмятежно. Единственное, что привлекало внимание, — несколько красноватых следов, открывшихся из-за небрежно распахнувшегося ворота рубашки, которые подчёркивали пятно на шее, делая его ещё более притягательным.

Цинь Ся знал, что под ключицами таких следов было куда больше. Его горло предательски дёрнулось, и сон как рукой сняло.

Юй Цзюцюэ разбудил лёгкий, почти невесомый поцелуй. Его ресницы слегка затрепетали, касаясь носа Цинь Ся, словно кисточки. Он по привычке потянулся было, чтобы лениво размять затёкшие конечности, но тут же почувствовал, как тело отзывается тянущей болью, возвращая его к суровой реальности.

Он чувствовал себя как старая скрипучая дверь в центральной комнате дома: любое движение отзывалось скованностью и будто слышимыми щелчками в суставах.

Знакомый аромат, исходящий откуда-то рядом, мгновенно вернул в памяти события прошлой ночи. Краснея до ушей, гер молча натянул одеяло до самого подбородка, желая зарыться под него целиком.

Он уже почти осуществил свою задумку, но вдруг вспомнил что-то важное и с покрасневшим лицом протянул руку к простыням под собой.

Естественно, простыня, которая была под ним ночью, исчезла. Её явно убрал Цинь Ся. Юй Цзюцюэ старался не думать о том, как она теперь выглядит. Последнее воспоминание о ней было таким, словно его самого только что вытащили из воды.

Теперь же тело было совершенно сухим, а это значило, что Цинь Ся не только сменил бельё, но и тщательно позаботился о нём.

— А-Цзю? — кто-то легонько похлопал его по плечу через одеяло.

Юй Цзюцюэ пришлось приоткрыть глаза, наполненные влажной дымкой.

Цинь Ся взглянул на него и понял, что ему срочно нужно подняться, выйти под дождь и позволить прохладным каплям немного остудить разум, чтобы удержаться от искушения в этот момент.

После столь долгого ожидания они наконец попробовали сладость, и это чувство было совершенно новым. Но даже с этим Цинь Ся проявлял сдержанность в последние дни.

— Ты пока отдыхай, — сказал он, наклоняясь ближе к супругу. — Я приготовлю завтрак. Сегодня дождь, так что в ресторане посетителей будет немного. Мы можем отправиться позже.

С тех пор как Юй Цзюцюэ оказался в уездном городе Цинаня, он редко чувствовал себя полностью здоровым. Но нынешняя усталость не походила на ту, что вызывает болезнь. Она была мягкой, тёплой, как будто он сам стал чайным листом, медленно плавающим в горячей воде.

— Я встану через минуту, — пробормотал он.

Спина и поясница болели, но всё же не настолько, чтобы снова погружаться в сон. Когда Цинь Ся ушёл, Юй Цзюцюэ, тихонько постанывая, долго растирал поясницу под одеялом, а затем, зевая, начал одеваться.

На завтрак было сладкое молочное рисовое кондже, сочные пельмени с бульоном и сваренные вкрутую яйца. Каша оправдывала своё название: в неё добавили молоко и сахар, из-за чего она приобрела снежно-белый цвет. Маслянистая плёнка от хорошего риса делала её нежной, словно шёлк, и совершенно лишённой грубости.

Тот, кто не знал, мог бы принять её за обычную кашу из риса, но только Юй Цзюцюэ понимал, сколько труда вложил Цинь Ся, чтобы приготовить её.

После завтрака они вышли из дома позже обычного. Дождь стал редким и не таким плотным, но всё же потребовался зонтик из промасленной бумаги.

Цинь Ся нёс самый большой зонтик в доме, который легко укрывал обоих. Дождь, словно тончайшая шерсть, не размывал земляную дорогу, а лишь приглушал поднятую проезжающими повозками пыль. Цинь Ся держал Юй Цзюцюэ под зонтом ближе к себе, позволяя супругу удобно ухватиться за его локоть. Они шагали к улице Хэлинь, двигаясь по привычному маршруту.

По дороге они прошли через утренний рынок. Хотя за покупками свежих продуктов обычно

отправляли Чжэн Синхуа, Цинь Ся не упускал возможности внимательно посмотреть по сторонам. И это утро оказалось удачным.

Он остановился перед девочкой в охотничьем костюме. Хотя на её запястьях были кожаные наручи, а волосы украшали два пёстрых пера дикой куропатки, в корзинах не оказалось ни одного дикого зверя. Вместо этого в одной корзине лежали свежие улитки, а в другой — яйца и дикие овощи.

Девочка явно нечасто торговала, её приветствия звучали немного неуверенно:

— Господа, не желаете купить улиток? Это утренний улов, каждая из них жирная и крупная.

Цинь Ся присел, чтобы рассмотреть товар поближе. Юй Цзюцюэ тем временем осторожно принял зонтик из его рук и надёжно укрыл их обоих.

— Действительно хороши, — сказал Цинь Ся, оглядывая улиток. — Крупные.

Услышав, что перед ней стоит человек, разбирающийся в её товаре, девчушка, продающая улиток, набралась смелости:

— Сейчас как раз сезон, чтобы есть улиток. Господин, не хотите ли купить немного?

Но для Цинь Ся «немного» означало нечто совсем другое. Он не спешил с ответом, аккуратно отложил улиток в сторону и обратил внимание на лежащие рядом дикие овощи.

Там были портулак, пастушья сумка, папоротник и мышиный горошек. Последний на местном диалекте в уезде Ци называли «цинминьцай» — «травой Цинмин». Улитки также имели особое название — «улитки Цинмина».

Перед праздником Цинмин улитки набирали максимум сочности и жира, за что их называли «цинминьские улитки», и бытовала даже поговорка: «Улитки Цинмина слаще жирного гуся».

Эти дикие растения и улитки были доступны повсюду: их можно было найти на лесистых холмах или на травянистых берегах рек. Даже жители уездного города нередко выкраивали время, чтобы собрать их самостоятельно. Но Цинь Ся и Юй Цзюцюэ из-за занятости в своем ресторане давно не выбирались на природу. А тут, как на заказ, всё собрано, очищено и готово для приготовления. Овощи аккуратно перебрали, лишнюю землю стряхнули — такая покупка сэкономила бы уйму времени. Яйца тоже всегда были к месту.

Окинув взглядом корзины, Цинь Ся сказал:

— Я возьму всё.

Девочка, которая выглядела ровесницей Цю Чуаня, едва не прикусила язык от удивления:

— В-всё?

После Нового года её старший брат впервые отправился на охоту и повредил ногу. Она переживала, что семья останется без дохода, и потому взяла младших брата и сестру, собрала улиток, выкопала овощи и захватила яйца, чтобы отправиться на рынок в уездный город.

Обычно этим занимался брат, который перед её выходом в город тысячу раз напомнил, чтобы она была осторожна и не дала себя обмануть. Теперь, глядя на красивую молодую пару перед собой, Ян Цяо начала сомневаться: неужели её действительно так быстро нашли, или она наткнулась на мошенников? Ведь удача не может быть такой лёгкой: только открыла торговлю, а уже кто-то решил скупить всё.

Цзинь Ся заметил, что девчушка просто смотрит на него, разинув рот, и спросил:

— Ты ещё не сказала цену.

Очнувшись, Ян Цяо запинаясь произнесла:

— Улитки пять вэнь за цзинь, дикие овощи три вэнь за цзинь, яйца два вэнь за штуку.

Назвав цену, Ян Цяо почувствовала тревогу. Ей казалось, что старший брат установил её слишком высокой. По пути в город она видела других продавцов, которые предлагали улиток по четыре вэнь за цзинь, а мелких — три цзиня за десять вэнь. Дикие овощи вообще стоили по вэню за цзинь, хотя их вид оставлял желать лучшего.

Её товар был значительно качественнее, но она всё равно боялась, что запрошенная сумма отпугнёт покупателя.

Старший брат Ян Цяо всегда утверждал, что горожане готовы потратить лишние несколько медных монет, чтобы купить товар получше или хотя бы чище на вид. Как оказалось, он был прав. Молодой господин перед ней даже не пытался торговаться и сразу попросил посчитать стоимость.

Ян Цяо, сияя от радости, взяла палочку и начала писать цифры на земле:

— Пять цзиней улиток — двадцать пять вэнь. Тридцать яиц — шестьдесят вэнь. Шесть цзиней диких овощей — восемнадцать вэнь... — она суммировала всё, что научил её старший брат, и уверенно объявила:

— Всего сто три вэня.

Юй Цзюцюэ молча кивнул и, достав кошель, отсчитал сотенную связку медных монет, добавив ещё три отдельные монеты. Ян Цяо приняла плату с трепетом, чувствуя в ладони вес заработанных денег, которые казались ей воплощением успеха.

Она не ожидала, что продаст всё так быстро. Теперь можно было вернуться в деревню раньше, а оставшиеся три монеты позволяли купить что-нибудь вкусное. На ум сразу пришли крахмальные колбаски, которые любили её младшие. Её старший брат, уезжая на рынок, всегда приносил домой что-нибудь вкусное: крахмальные колбаски, жареный тофу, блинчики с яйцом...

Однако её радость стала ещё больше, когда Цинь Ся, поднимая покупки, добавил:

— Наш ресторан — «Ресторан семьи Цинь», на улице Хэлинь. Если к празднику Цинмин у тебя снова будут такие улитки и овощи, принеси их к нам. Куплю по сегодняшней цене.

Глаза Ян Цяо загорелись от восторга. Весенние полевые работы уже начались, но их семья, имея всего два му земли, передала её обработку родственникам. Младшие в семье всё равно сидели без дела, а заработок даже в десяток монет был для них существенным. Девочка тут же дала слово, что завтра доставит новый товар.

Когда они вернулись в кухню ресторана, Чжэн Синхуа вместе с братом и сестрой Цю уже подготовила почти все ингредиенты для обеда. Волкодав по имени Чжаоцай, больше похожий на упитанного щенка, вертелся под ногами, отчего выглядел менее грозным, чем даже домашний гусь. Цинь Ся на мгновение отвлекся, чтобы поиграть с собакой, затем закатал рукава и приступил к готовке.

Сегодня мясным блюдом были рёбрышки на пару с соевыми бобами и тушёная рыба. Рёбрышки разрубали на мелкие кусочки, мариновали с добавлением специй, а затем ставили на пар. Блюда на пару были удобны: можно готовить их большими партиями сразу, экономя время и силы. Это казалось Цинь Ся разумной идеей, особенно если ему не удастся быстро найти нового повара.

Для тушёной рыбы использовался белый амур. После зимы цены на рыбу падали, и в уезде Ци, расположенном у реки, её ловили в изобилии. Многие зарабатывали на жизнь именно этим. Белый амур редко пользовался популярностью из-за слегка затхлого вкуса, но именно поэтому его готовили с использованием насыщенных соусов и приправ.

Цинь Ся разогрел масло в котле, бросил туда куски рыбы, обваленные в крахмале. Рыбья кожа поджарилась, мякоть напиталась ароматом, а к тому моменту, как кусочки доставали, они становились золотистыми и хрустящими.

В остатках масла обжаривались зелёный лук, имбирь и чеснок, после чего рыбу возвращали в котёл, добавляли специи и немного жёлтого вина. Аромат вина смешивался с рыбным, создавая удивительное сочетание, где невозможно было отличить одно от другого.

Крышка котла закрылась, и Цинь Ся снова взялся за жарку овощных блюд. Жареный тофу с яйцом, цветная капуста в сухом горшочке, шпинат с вермишелью, тушёный сельдерей...

Ароматы блюд, смешиваясь с дымом от печи, выходили наружу, проникая за стену. Деревянные столовые подносы уже давно были вымыты и насухо вытерты. Когда пришло время открывать двери, едва сняли последнюю створку, как нетерпеливые посетители уже начали проникать внутрь.

Один из гостей ловко достал две карточки и положил их в руку Цю Чуаня.

— Два комплексных обеда!

...

Наступил вечер.

Заведение, в которое днём без конца приходили гости, по-прежнему оставалось оживлённым. Благодаря репутации, заработанной во время уличной торговли, новости о том, что Цинь Ся вновь открыл ресторан на улице Хэлинь, быстро разлетелись. Слухи распространялись всё шире, и вскоре заведение было переполнено: внутри не хватало мест, а у входа выстраивалась очередь.

Такое явление было редкостью среди городских ресторанов, но Цинь Ся прекрасно понимал, как решить эту проблему. Он заимствовал метод современных ресторанов: выделил пространство под навесом, расставил ряд круглых скамеек и раздавал деревянные номерки в порядке очереди. Пока гости ждали, они могли свободно угощаться сухофруктами и закусками или пить чай. Даже если кому-то приходилось уйти, они ничего не платили за съеденное.

Однако в первые дни этот метод вызвал небольшой переполох: находились те, кто приходил исключительно ради бесплатных угощений и отказывался покидать место. Хотя сухофрукты, закуски и чай стоили недорого, такие «посетители» занимали места и мешали настоящим клиентам.

Цинь Ся лично несколько раз пытался выпроводить таких людей, но они, обладая выдающимся нахальством, возвращались вновь и вновь, словно липкие коровьи лепешки.

Увидев, что мягкие меры не работают, Цинь Ся понял, что придётся действовать жёстче. Он торжественно пригласил Ху Лаосы, одного из старших служащих районного управления, с компанией чиновников на обед в отдельную комнату ресторана. Наутро назойливых нахлебников больше никто не видел.

Но после того случая Ху Лаосы всерьёз пристрастился к жареным улиткам из ресторана Цинь Ся, чуть ли не ежедневно приходя за порцией, чтобы взять её домой и съесть под выпивку.

Помимо него, жареные улитки стали любимым блюдом многих других посетителей. Ведь свежими улитками можно было наслаждаться лишь недолго, а потому они быстро превратились в самое популярное блюдо ресторана семьи Цинь.

В заведении Цинь Ся было мало работников, и каждый день он жарил улиток до изнеможения. Даже Юй Цзюцюэ, который обычно занимался чем-то другим, жаловался, что от постоянной чистки улиток у него болят руки.

А Ян Цяо, поставщица улиток, начала думать, что её семья вот-вот выловит всех улиток в округе до последней.

В последний раз она привезла улиток накануне праздника Цинмин, но на этот раз приехала не одна. Её старший брат Ян Вэй, наконец, оправился от травмы ноги. Хотя он ещё не мог подниматься в горы, сопровождать младшую сестру в город для продажи товаров ему было вполне по силам.

Так Цинь Ся снова встретился с этим молодым охотником.

— Оказывается, вы брат и сестра! — сказал он с улыбкой. — А я всё думал, почему Цяо-цзе так ловко носит охотничье одеяние.

Ян Вэй тоже узнал Цинь Ся. Образ этого повара, яркий и запоминающийся, не так-то просто было забыть. Да и торговцы, как правило, хорошо помнят щедрых покупателей.

Ян Вэй сложил руки и слегка поклонился:

— Спасибо управляющему Циню за то, что в последнее время заботились о моей младшей сестре.

Цинь Ся сдержанно улыбнулся.

— О какой заботе может идти речь? Я веду ресторан, вы продаёте продукты — просто обоюдная выгода.

Однако он уже успел заметить, что эта семья ведёт дела честно, и потому задумался о долгосрочном сотрудничестве.

— В будущем, если у вас будут дикие кролики, фазаны или бамбуковые крысы, приносите их ко мне на продажу. Но учтите: сейчас погода становится жаркой, поэтому лучше привозить их живыми.

Услышав это, Ян Вэй понял, что теперь у него будет постоянный покупатель, а это куда лучше,

чем ходить по городу в поисках удачи.

Когда Цинь Ся решил расплатиться за вязовые почки и молодые побеги деревьев сяньчунь, которые они привезли, Ян Вэй категорически отказался брать деньги. В последние недели, пока он лечился дома, а их мать болела, вторая сестра ездила в город, чтобы продать товар и поддержать семью. Если бы в первый же день она не встретила Цинь Ся, заработать деньги так легко и спокойно ей бы не удалось.

Цинь Ся, не сумев переубедить брата и сестру, принял их жест благодарности. Впрочем, он сам уже давно не ел вязовых почек.

Вязовые почки вкусны, но их сложно чистить, да и привезли их немного. Цинь Ся решил отложить их до вечера, чтобы приготовить ужин для всех работников ресторана.

Послеобеденное время выдалось не слишком занятым, и Чжэн Синьхуа вместе с Цю Яо занялись тщательной чисткой почек, убирая мелкие веточки и стебли, а затем несколько раз промыли их. Позже к ним присоединился Юй Цзюцюэ, закончив подсчёты. С любопытством он спросил:

— Это и есть вязовые почки?

Чжэн Синьхуа нахмурилась.

— Сяо-чжангуй их никогда не ел?

Юй Цзюцюэ покачал головой:

— Я не местный. Раньше такие мне не попадались.

Чжэн Синьхуа никогда не интересовалась прошлым своих начальников, но давно заметила, что, хотя Юй Цзюцюэ говорит на официальном языке, в его речи слышится акцент, совершенно непохожий на северный.

Цю Яо, уже успевшая перестать бояться людей, подняла горсть вязовых почек и протянула их Юй Цзюцюэ, сказав:

— Раньше у нас во дворе рос вяз. Брат брал меня собирать почки, а мама готовила из них на пару вкуснейший рис.

При упоминании матери выражение лица девочки слегка изменилось. Она всё же закончила фразу, но её глаза покраснели. Она быстро опустила голову, продолжая мыть вязовые почки в тазу.

Юй Цзюцзюэ и Чжэн Синьхуа обменялись взглядами и мягко покачали головами. Потеря матери — это боль, которая не забывается в одночасье.

Цинь Ся, услышав воспоминания Цю Яо, задумался и в итоге решил не готовить вязовый рис, чтобы не напоминать брату и сестре о трагедии. Вместо этого он разделил почки на две части: одну часть он использовал для приготовления вязовых «гнезд», а из другой сделал лепёшки.

Что касается побегов сяньчунь, то он поступил так же: часть смешал с тофу, другую обжарил с яйцами. Дополнив всё пирожками с портулаком и приготовленной на пару зеленью, они устроили для пятерых работников настоящую «дикую трапезу».

Обычная весенняя дикая зелень в руках Цинь Ся превратилась в настоящий деликатес — и, что важно, блюдо предназначалось только для внутреннего употребления, не для продажи.

После ужина Цю Чуань уже держался за живот от сытости, а Юй Цзюцзюэ в одиночку съел пять пирожков, каждый размером с кулак. Ни брат с сестрой из семьи Цю, ни Чжэн Синьхуа уже давно не удивлялись аппетиту своего сяо-чжангуя, но всё же продолжали задаваться вопросом, как он умудряется так много есть и при этом совсем не толстеть.

На следующий день наступил праздник Цинмин. На дверях ресторана повесили табличку, что в полдень заведение работать не будет.

С утра Чжэн Синьхуа собрала корзину с благовониями и свечами и отправилась с золовкой на могилу покойного мужа. Брат и сестра Цю тоже направились на кладбище за город, неся в руках чашу вязового риса, специально оставленного для них накануне управляющим. Ресторан опустел. Им пришлось самостоятельно готовить себе завтрак, используя кухню, но продукты они могли брать свободно. Следуя воспоминаниям о том, как их мать готовила это блюдо, они решили взять его с собой в качестве подношения, чтобы показать ей, что теперь они нашли способ каждый день быть сытыми и справляться с жизненными трудностями.

Цинь Ся и Юй Цзюцзюэ также влились в поток горожан, направляющихся за город для поминовения. Хотя семья Цинь не была коренными жителями уезда Цинань, в окрестностях города имелось семейное кладбище, где были похоронены родители и бабушка с дедушкой. Они купили благовония, жёлтую бумагу, бумажные золотые слитки, приготовили рис с овощами, взяли несколько фруктов и глиняный кувшин с вином. Согласно традиции, они очистили курганы от травы, добавили земли, а затем вдвоём склонились в коленопреклонении, отдав дань уважения.

Хотя Цинь Ся не имел никакой кровной связи с погребёнными здесь людьми, он чувствовал долг исполнить сыновний долг за того, чью жизнь он теперь продолжает. Семья Цинь всё ещё жива, и он не мог позволить забвению овладеть этим местом.

Юй Цзюцзюэ, поджигая жёлтую бумагу, выглядел таким же сосредоточенным и искренним.

Но посещение кладбища было не единственной целью этого дня. Ведь Цинмин — это не только день поминовения, но и праздник, посвящённый прогулкам на природе.

Южные предместья уезда Цинань славились рощей, куда весной приходили любоваться цветами, а осенью — багряными кленами. Это было излюбленное место для прогулок горожан.

Если бы ресторан ещё не открылся, Цинь Ся, без сомнения, воспользовался бы таким днём, чтобы вывезти сюда тележку с едой и немного подзаработать. Но теперь забот хватало и в заведении, а денег он уже зарабатывал достаточно. Так что, получив редкий свободный полдень, он хотел просто насладиться весной, гуляя с супругом.

Они даже подумывали купить бумажного змея, но, увидев, как небо уже пестрит «ласточками», «бабочками» и «орлами», отказались от этой затеи. На глазах у них не один воздушный змей успел зацепиться за дерево или запутаться в чужом. Решив, что тратить на это время не стоит, они отправились любоваться цветами.

— А-Цзю, ты можешь узнать, что это за цветы?

В новеньких весенних одеждах, лёгких и струящихся на ветру, они, шагая под цветущими деревьями, выглядели как воплощение гармонии. Их изящный облик привлекал к себе множество взглядов. Но больше всего внимание приковывали их переплетённые руки, заставляя зрителей украдкой вздыхать. Однако Цинь Ся не обращал на это внимания, сосредоточившись на том, чтобы снять лепесток, упавший на плечо его гера.

— Это персик, это абрикос, а это... бегония? — Юй Цзюцюэ, слегка задрав голову, пытался определить каждый цветок.

Говорят, что на Цинмин часто идут дожди, но в этом году погода выдалась удивительно ясной. Небо было цвета лазури, а солнечные лучи, пробиваясь сквозь кроны деревьев, усеивали головы прохожих.

— Интересно, у этой рощи есть хозяин? — внезапно задумался Цинь Ся, прервавшись на середине прогулки.

— Почему ты спрашиваешь, муж?

Цинь Ся указал на ветки:

— Просто подумал: если она ничья, то через какое-то время персиковые, абрикосовые и цветы бегонии превратятся в плоды. Кто знает, можно ли будет их собирать?

В памяти прежнего владельца тела таких воспоминаний не сохранилось, ведь его предшественник никогда не интересовался ни прогулками, ни фруктами.

Ответ на этот вопрос вскоре нашёлся. Они встретили знакомых — супругов Вэй Чао и Цао Ашуан. Вэй Чао объяснил:

— Эта роща принадлежит государству, и формально плоды считаются собственностью казны.

— Но это же просто фрукты, — продолжил он, — Никаких стражников тут нет. Если сорвать пару штук, никто не скажет ни слова. Главное — не нагнать и не собирать корзинами. А ещё плоды на верхушках обычно не трогают, их оставляют для птиц.

Когда они устали от прогулки, Цинь Ся предложил соседям устроить пикник.

Супруги достали из своего узла старое покрывало, расстелили его на траве и начали выкладывать угощения. Бамбуковая фляга с фильтрованным чаем Восемь сокровищ, цинтуань (зелёные рисовые пирожки), рисовые рулетики, два вида пирожных, мытые фрукты и большая коробка салата из маринованных овощей — все эти блюда заполнили весь свободный участок травы.

Увидев такое разнообразие, Вэй Чао и Цао Ашуан не могли скрыть удивления.

— Ну, ты и молодец, брат Цинь, так всё тщательно подготовить!

Все блюда выглядели так изысканно, что их даже было жаль есть. После долгих уговоров Вэй Чао и Цао Ашуан согласились взять по одному цинтуань.

— Никогда не видел таких пирожков, — удивился Вэй Чао, рассматривая зелёный и мягкий пирожок в руке.

— Это цинтуань, традиционное угощение южан на Цинмин, — пояснил Цинь Ся. — У нас на севере они редкость. Зелёный цвет получают из сока полыни.

Начинка у пирожков была четырёх видов: сладкая из бобовой пасты, чёрного кунжута, солёная из яичных желтков с мясными хлопьями и грибов с побегами бамбука.

Дегустация показала, что традиционная бобовая паста и яичные желтки с мясом стали фаворитами, а грибная начинка оказалась самой непопулярной.

Юй Цзюцюэ, однако, охотно ел всё, даже то, что не понравилось остальным. Больше всего ему нравилось само тесто пирожков с мягким ароматом полыни.

После пирожков Цинь Ся угостил всех рисовыми рулетиками с хрустящими мясными хлопьями и яичным желтком. Чай Восемь сокровищ стал прекрасным завершением трапезы.

В процессе беседы Вэй Чао вспомнил:

— Кстати, брат Цинь, ты помнишь того Юй Шуэня?

*Ребрышки на пару 排骨 蒸

Тушеная рыба в соевом соусе 豆瓣 鱼

Гнезда из почек вяза 腰 花 炒

Лепешки из почек вяза 腰 花 饼

Цинтуань 芹 菜

<http://bllate.org/book/13601/1206050>